

ПО ОБЫЧАЮ ОРЛОВ

Поэзия начинается с детства... Босоногий мальчуган пасет теленка на берегу реки. Это Зеленчук — Инжич, как называют ее абазинцы. Река еще не совсем сбросила ледяной покров, и закраины льда припаяны к берегу. Теленок хочет пить, но ему трудно дотянуться до воды. Тогда он падает на передние ноги и, прильнув мордочкой к набегающей на льдину волне, пьет, пьет досыта... Мальчик смотрит, и в сердце его вспыхивают неожиданные для него самого слова:

— Инжич, проснись! — сказал Бота.
— Ты долго спишь! — сказал Бота.
— Травки смотрят на тебя, возмущаются! Птички смотрят на тебя, возмущаются!
Все вокруг давно проснулись, и ты проснись!—
Бота тянет Инжич за одеяло,
Будит его, как мама меня по утрам...
— Проснись, Инжич!

Далек сейчас абазинский поэт Микаэль Чикатуев, автор нескольких книг, от того девятилетнего мальчика, что сложил это первое свое стихотворение. А стихи помнятся... Помнится и то, как прибежал он тогда к матери. Мать сажала в огороде лук. «Нана! — бросился он к ней.— Я сложил песню!»... Мать выпрямилась, строго посмотрела на него и спросила: «А где Бота?»

Человек растет, мужает, набирается опыта. Но счастлив он, если детство накрепко врежет в его сердце свои золотые узоры.

Листая книгу стихов М. Чикатуева «Сердце Абазашты», недавно изданную на русском языке в «Советском писателе» (перевод Д. Голубкова), я вижу, что и сегодня живет в его поэзии, возникшее с первых лет

бытия, чувство слияния с природой, с родной землей — грохотом ее горных гроз, шумом вешних вод, таяньем снегов и шелестом трав, с голосами ее птиц... Даже для самого высокого понятия — родина — он находит неожиданный эпитет, связанный именно с цветением природы, с ее красотой:

Родина джигитов,
Песен мать...
Лепесток душистый, Абазашта,
Век тебе цвести — не увядать!..

Первое ощущение от стихов М. Чикатуева — многозвучность мира, в который он нас вводит. Мир — песня, мир — симфония, мир полон «шорохов, грохотов, громов». У поэта есть стихотворение, так и называющееся — «Звуки». В его стихах и трубный рев весеннего Инжича, и утренний рокот трактора, и лепет молодой листвы, и свирель чабана... Даже залитое туманом ущелье среди нахмуренных скал «наполнено словно кувшин» (чудесный образ!) чьим-то смехом, и аукается радостным эхо с людьми в ауле.

Звучит пылающий снег крутизн,
Звучит долина тенистая,
Звучит гудящая солнцем жизнь,
Щедрая и голосистая!

Мир поет!

Может быть, М. Чикатуев кое-где неумерен и, обрушивая темпераментно и задорно этот шквал звуков, не слишком заботится о тщательности их поэтической оркестровки, так как полагает, что они, звонкие и светлые, сами за себя говорят. Может быть, иногда он повторяется (говор речки, ручья, тающих льдин, талых вод — на многих страницах книги...). Однако не будем навязывать ему поэтических «дозировок». Таков его лад, его лирическая манера отражать жизнь. А строгость, сдержанность в отборе

средств... Думается, это придет,— молодое вино должно перебродить...

«Все это хорошо, звуки, звуки, — скажете вы.— Ну, а есть ли в стихах М. Чикатуева человек?» — Есть, разумеется. Прежде всего потому, что для кого же, как не для человека существует музыка окружающего мира? А затем М. Чикатуев пишет и стихи-«портреты», стихи, где облик и духовный мир человека обрисован не при помощи лирического восприятия природы, а непосредственно через мысль или поступок.

Это прежде всего прелестное стихотворение «Нана волнуется». «Нана» — по-абазински мать. Старушка нана знает, что в дом придет кто-то неожиданный. Все приметы ей об этом сказали — и петух не вовремя запел, и кусок хлеба выпал у нее из рук. И вот она,— вся — сама доброта, вся — готовность делать людям добро, дарить им радость — торопится, хлопочет, чтобы достойно принять гостей.

Бог мой!
Совсем потерялась я.
Все невпопад, хоть брось!
Где ты, бывлая сноровка моя?..
Будет сегодня гость.
.....
О молоко!
Скорее свернись,
Стань айраном скорей!
Ох, огонь, дружок, разгорись
И котел мой согрей!
Раскаляйся, сковорода,
Варись, мамалыга, варись!
Поспешай, закипай, вода!
А ты, наш гость, задержись...

Разве не прелестна эта открытость души, это наивное восприятие мира, это слияние человека со всем, что окружает его, когда человек вкладывает жизнь во все сущее, когда он животворит и огонь, и воду, и добрые дары земли — молоко и кукурузный хлеб?..

Стихи эти — как бы сказать? — «всеобщие», что ли, по своей теме. Наверно, хлопоты матери-хозяйки одинаковы всюду, у всех народов. И в то же время в оттенках своих это чисто горские стихи. Так чувствует, так говорит именно мать-горянка — «нана».

Столь же национально по колориту стихотворение М. Чикатуева «Новорожденному». У адыгских народов издавна существует обычай провозглашать здравицу («хох») в честь радостного события

или уважаемого человека. Мне кажется, от формы такой горской здравицы идет и это стихотворение поэта.

Человек, которому месяц!
Я желаю тебе
Радости неизменной и незакатного
света.

Пусть приживется солнце
в твоей просторной судьбе,
Пусть душа твоя будет
вечным счастьем согрета.
Верь народу всегда:
верно сердце его.
Пусть песня народа станет
Любимой песней твоею.
Да будет ненарушимо
С природой твое родство!

Впрочем, здравица М. Чикатуева традиционна лишь по форме. Содержание же поэт вливает в нее новое, и гораздо более гуманистическое, широкое, чем вкладывали отцы и деды. Его пожелания касаются самого смысла жизни, ее величайших ценностей. Старые же «хохи», зачастую весьма мудрые и человечные, все же обычно имели в виду пожелания более «вещественные»: дом — полную чашу, плодородие стад, урожай на полях...

Мне кажется, поэзия М. Чикатуева национально ярче всего окрашена там, где она передает излучение живого человеческого сердца, непосредственно изображая облик человека. В стихах же лирико-публицистических, где описания реальной жизни уступают место символу, абстракции, поэт, даже взяв внешне очень локальную, горскую тему, иногда попадает в плен общих слов, штампованных представлений.

Стихотворение «Орлы». Уж чего колоритней! Кавказ не представить без орлов, как не представляешь без березок Подмосковья... Но вот читаешь такие строки:

Орлы,
орлы в небесах Кавказа...
Они мятежны и зоркоглазы,
Они — отвага юноши-горца,
Они — горянки-девушки гордость,
Любовной песни внезапный взлет,
Широкий ветер снежных высот!..

Читаешь и думаешь: чего же не хватает этим стихам? Наверно, свежести взгляда... Их горский колорит, как бы это сказать... обманчивый. Он идет от чисто внешних, давно примелькавшихся примет.

Я далека от утверждений, что национальную окраску поэзии придает, главным образом, описание в ней народных традиций или использование автором элементов устного народного творчества. (Еще Белинский предостерегал от отождествления русской национальной самобытности с сарафаном и трепаком.) Понятие «национального» — широко и многогранно. Оно прежде всего касается свойств человеческого характера. К тому же оно не неподвижно. В нашей стране гигантские перемены жизни внесли и повседневно вносят в него новый смысл, придают ему новую окраску.

Национальная колоритность — это не архаика. Она может быть и очень современной, новаторской... Наиболее значительным произведением в сборнике М. Чикатуева мне представляется поэма «Человек и тысячелетие». (Поэт называет ее притчей). Здесь все крупно. Значительна идея поэмы — столкновение «философии маленького человечка», обывателя, и высокого кодекса коммунистической морали, утверждающей, что цель жизни человека — деяние на благо общества. (Если человек не трудится, он как бы не жил. След его на земле меньше, чем след камня, упавшего в бездну)... «Глыбаст», дан крупным планом легенды сюжет, через который М. Чикатуев преломляет идею: огромная гора — воплощение тысячелетия, — «бодая облака», снимается с места, чтобы языком времен обличить и вразумить «маленького человечка». Поэт и здесь верен своему всегдашнему восприятию природы — все в ней одушевлено, все живет...

Громада гремит:
— Слушай, слизняк,
Говорит тысячелетье.
Стоишь ты -
и дело твое стоит
Или черепахой ползет.
А где твоя гордость?
Где твой стыд?
Где желаний полет?
Лежишь,
а Земля бежит по орбите,
А время спешит, работая.
Люди горят!
Вершатся события, —
Вселенная — вся —
полна заботою.

Мне кажется, что по-своему, — не

подражая, а участь, — М. Чикатуев использовал в поэме прием, найденный Маяковским. Помните, солнце, пришедшее побеседовать на дачу к поэту?..

Очень сильно передано в поэме ощущение времени, как величайшей жизненной ценности, данной человеку. Гора рассказывает «маленькому человечку» притчу о бесплодно растроченном времени, о самой страшной казни, какая может постигнуть человека — о поздно пришедшем понимании того, что жизнь прожита впустую.

«Человек и тысячелетие» — не только плод острой, ищущей мысли М. Чикатуева, но и свидетельство доброй литературной школы, пройденной поэтом. У него были хорошие учителя...

Поэма рождена на скрещении двух поэтических традиций. Истоки одной из них — в раннем детстве поэта, в недрах отцовской речи. Вторая — стала родной для М. Чикатуева, может быть, чуть позже, но тоже с детства, с ученической парты; я говорю о национальной горской устной традиции и о традициях русской литературы.

Отец поэта прекрасно сказывал сказки и слагал их сам. Знал множество легенд, народных преданий, хорошо пел... «Сказки Аба» до сих пор вспоминают на родине М. Чикатуева. Отцовская любовь к звучащему поэтическому слову перешла к сыну. Он был еще тем самым мальчуганом, «воспевшим» теленка Боту на берегу Инжича, а сверстники уже приставали к нему: «Ты знаешь сказки Абы, расскажи!».

Рано оставшись сиротой, М. Чикатуев подростком помогал чабанам пасти колхозную отару.

— Сидим, бывало, у костра в пещере (она служила нам вместо хлева), — рассказывает поэт. — Старики вспоминают разные были из чабанской жизни: о горах, о героях, о единоборстве с волками или медведем. Они поют старинные песни, легенды... Это все для них первейшая необходимость. Необходимость высказаться... А днем, когда мы уходили с отарой в горы, я заново передумывал все услышанное у вечернего костра, записывал эти легенды, «исправлял» песни на свой лад...

Это была одна, самая первая его школа. (Стихи своих старших друзей по перу — Кали Джегутанова и других — он узнал значительно позже.)

Но и дом, в котором он выучился родному письму и русской речи, тоже был

для него не просто школой грамоты. Там жил учитель, вдохновенно читавший ему стихи русских поэтов, сказки Пушкина. Он декламировал, изображая в лицах и поа, и черта, и работника Балду. Микаэлю казалось тогда, что он волшебник! Слушать его чтение мальчик готов был ночь напролет... Там впервые почувствовал он красоту и силу русской классики...

Зрелое же, творческое понимание русской поэзии и сознательное преклонение перед ней пришли в стенах Литературного института имени Горького (М. Чикатуев — первый в Карачаево-Черкесии выпускник этого института — окончил его в 1961 году). Здесь руководителем молодого абазинца был превосходный русский поэт Владимир Луговской, воспитатель целой когорты русских поэтов и поэтов братских республик. Кавказцев Луговской любил особой любовью. И они отвечали ему тем же. Когда студентам Литературного института пришлось стоять в почетном карауле у изголовья безвременно умершего наставника, М. Чикатуев со слезами на глазах твердил про себя «луговской» стих:

Над необъятной Русью,
С озерами на дне,
Заготали гуси
В зеленой вышине...

Поэма «Человек и тысячелетие» — наиболее крепкий творческий сплав того, что дали молодому абазинскому поэту обе эти, равно для него дорогие, школы — русская и родная. От родной поэзии в ней нескрываема поучительность, столь свойственная устному сказу («притча»). Сказочность троекратного повтора в сюжетных ситуациях. Сам сюжет — человек и гора... От русской — «луговская» (или, может быть, «маяковская»?) размашистая широта, оперирование крупными философскими и моральными категориями, переплетение гротескного, фантастического с проблемами актуальнейшей современности.

Национальное, горское в этой поэме органично слилось с общесоветским, с тем, что составляет душу всей нашей большой многоязычной поэзии.

Несколько слов о работе переводчика Дмитрия Голубкова. Хорошо, что книгу молодого поэта Карачаево-Черкесии перевел один из талантливых молодых русских поэтов, в труде которого нет ни привкуса кустарщины, ни элемента случайности. Он

переводит то, что любит, и вкладывает в перевод частицу своего сердца. Хорошо, что Д. Голубков перевел книгу, всю, от первой до последней строки, один. У книги есть единство поэтической интонации, удачно найденный лирический ключ, а его, увы, так часто бывают лишены поэтические сборники, над которыми трудятся (будучи начисто оторваны друг от друга и от автора) десятков, а то и более, переводчиков. Хорошо и то, наконец, что прежде чем переводить стихи М. Чикатуева, Д. Голубков побывал в Карачаево-Черкесии, познакомился с ее жизнью и литературой. Переводы его полновочувственны и поэтичны. Правда, я не имею возможности судить, точные ли они или вольные, так как не знаю языка подлинника. Попутно замечу только, что в стилистике перевода чудятся мне некие «диссонансы» — небо, названное «вотчиной орлов», или день в ауле, «звучащий, как орган»... И «орган» и «вотчина» тем более — слова с яркой исторически географически локальной окраской. Они тянут за собой множество образных представлений, чуждых горской, абазинской музе М. Чикатуева. (Это примерно то же, что перевести название его книжки «Беру я апхирцу» словами «Беру я гармошку». Так и перевели в Черкесске. И представляется почему-то русский гармонист, который «девушкам спать не дает»... А ведь «апхирца» — струнный инструмент, горская скрипка. (Однако это лишь попутные мысли, хотя и не лишние, быть может, основания...).

«Обычай орлов» — так очень крепко, очень по-горски назвал М. Чикатуев один из своих сборников, изданных на абазинском языке. А какой же он, этот обычай? Нужно ли отвечать? — широкий размах крыльев, зоркий глаз, дальние полеты, тяготение к малоизвестным вершинам.

Плохо, когда орлы становятся в поэзии штампом. Но орел и мужество, орел и высота — это синонимы, рожденные самой жизнью, и они надолго еще останутся для нас, даже в век реактивных двигателей, символами понятий, родственных между собой. Пусть же будет присущ орлиный обычай молодой поэзии М. Чикатуева. Она еще только начала свой взлет, набирает силу и опыт. Впереди высота и даль...

Один кавказский писатель сказал: «О родина!.. Если б слить сердца твоих многочисленных сыновей и, сделать из них море, то какое светлое и кипящее получилось бы море!» Сердце Абазашты, маленькой, как лепесток цветка, на карте родины слито с

морем сердец наших народов. Капля этого моря, кипучая и светлая,— в стихах М. Чикатуева. Поэт рассказал о своей земле, о своих земляках. Он открыл путь абазинскому песенному слову, некогда звучавшему у пастушьего костра, на широкие просторы России. Выход в свет маленькой книжечки М.

Чикатуева, не преувеличивая, — замечательное событие. Ведь «Сердце Абазашты» — первая книга абазинской поэзии, изданная в русском переводе за пределами области, в Москве. Это радостно!..

И это обязывает!
